

УДК 321; 343.352

*А.А. Пасс***ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА**

В статье рассматривается понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого описывается такое социальное явление, как коррупция. Делается попытка определить общее и особенное в ее трактовках, предлагаемых политологическими школами разных стран. Аргументируется мнение, что в национальной антикоррупционной политике приоритет должен быть закреплен за мерами, разработанными в соответствии с общепринятыми стандартами и нацеленными в первую очередь против системного злоупотребления служебными полномочиями. Указывается на ведущую роль неформальных институтов в возникновении коррупционных сетей в обществах, переживающих транзитивный период. Представлены структура коррупционного акта и функциональные взаимосвязи его элементов. Установлено, что у участников коррупционных соглашений, в том числе на бытовом уровне, формируется криминализированное сознание, поэтому необходимым условием для их эффективной нейтрализации является распространение соответствующих морально-этических норм. Обосновывается принципиальное различие между экономической и политической коррупцией: первая выступает производной от теневой экономики и подрывает честную конкуренцию, вторая обусловлена спецификой существующего политического режима и служит нелегальным средством перераспределения властных ресурсов в интересах отдельных элитных групп. Подчеркивается, что среди зарубежных и отечественных политологов достигнут консенсус по вопросу о моделях коррупционных отношений в современном мире, в которых отражена цивилизационная и региональная специфика коррупции. Таких моделей четыре: европейская, характеризующаяся достаточно высокой степенью открытости; азиатская – с тотальным государственным контролем и авторитарной культурой; африканская, где безраздельно господствует этнократия; латиноамериканская, отличающаяся наличием мафиозных кланов как альтернативы государству. Сформулирован вывод о перспективных направлениях дальнейших усилий со стороны ученых и политиков по выработке общей мировоззренческой, научной и правовой парадигмы в осмыслении феномена коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные сети, коррупционный акт, криминализированное сознание, модели коррупционных отношений, антикоррупционная политика, политология, интегративный подход.

По данным за 2014 г., сумма взяток по всему миру составила не менее 1 трлн долларов США [1. Р. 231]. Вполне вероятно, что к настоящему времени она уменьшилась. К сожалению, для постсоветской России эта проблема по-прежнему является актуальной. По результатам 2017 г., в индексе восприятия коррупции, составленном авторитетным международным движением Transparency International, наша страна заняла 135-е место из 180, уступив Доминиканской Республике, Гондурасу, Кыргызстану, Лаосу, Мексике, Папуа – Новой Гвинее и Парагваю [2]. Необходимость выстраивать конструктивный диалог с западными партнерами требует от руководства РФ энергичных антикоррупционных мер. Знакомство с разными подходами к феномену коррупции позволяет обнаружить рациональное зерно в каждом из них. В этой связи возникает необходимость объединить в единое понятие ее признаки и свойства, облегчающие правоприменительную практику. В соответствии с интегративным подходом следует определить, какие факторы или характеристики коррупции являются существенными, а какие – второстепенными. По-видимому, ряд поступков, похожих по форме на коррупционные деяния, могут квалифицироваться как административные правонарушения. Напротив, иной добропорядочный чиновник с безупречным послужным списком на проверку оказывается матерым преступником – казнокрадом или взяточником. Поэтому очень важно, чтобы антикоррупционное законодательство, предусматривающее уголовные санкции, базировалось на существенных чертах. Конечно, идеальных юридических норм не бывает. Они нуждаются в перманентной корректировке в зависимости от условий места и времени. Тем не менее необходимость интернационального взаимодействия силовых структур и гражданских объединений в борьбе с коррупцией, подчас принимающей международный размах, требует синтеза понятийного аппарата. Попытаемся очертить его рамки.

Исторически понятие коррупция (от *лат. corruptio*) означает «подкуп, продажность общественных и политических деятелей, чиновников и должностных лиц», что изначально придает проблеме политический характер. В Кодексе поведения должностного лица, разработанном и принятом для поддержания правопорядка Генеральной ассамблеей ООН 1979 г., коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением для достижения личной или групповой выгоды, а также незаконное

получение государственными служащими выгоды в связи с занимаемым служебным положением» [3]. По Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, коррупция – это «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и сращивании с мафиозными структурами». Коррупция, согласно определению экспертов Всемирного банка, представляет «использование служебного положения в целях получения личной выгоды» [4].

Исследователи единодушны в определении уровней проявления коррупции. Так, на макроуровне коррупционные отношения могут охватывать крупных политиков, чиновников среднего и высшего рангов, которые имеют возможность принимать важные решения в области законотворчества, государственных заказов, распоряжения государственной собственностью и бюджетом. Микроуровень проявляет себя в жизни обычных граждан, когда они пытаются в неформальном порядке решать встающие перед ними повседневные проблемы (уплата штрафов, получение справок и разрешений, регистрационных документов и т. д.). Связывает эти уровни «вертикальная» коррупция, предполагающая дачу взятки нижестоящим чиновником своему начальству. Она означает трансформацию фрагментарной коррупции в системно организованное злоупотребление полномочиями.

Крупный шведский специалист по антикоррупционной политике Б. Ротштейн отмечал, что все трактовки феномена коррупции, распространенные среди экспертов, основаны на категории «злоупотребление властью или полномочиями вопреки нормативам (моральным или правовым)» [5. Р. 230]. Данное понятие может иметь различные смысловые оттенки в зависимости от социокультурного и политического контекста. Иными словами, фронтир между коррупционным и некоррупционным деянием подвержен динамике в соответствии с распространенными в обществе представлениями о том, какое корыстное злоупотребление приемлемо и терпимо, а какое нет. Коррупция не только представляет собой набор теневых властных и распределительных практик, но и образует весьма своеобразную нормативную концепцию, укорененную в обычаях и традициях [6. Р. 262].

Несколько иное видение коррупции выразил О. Курэр. Согласно его подходу она «нарушает принцип беспристрастности в целях личной выгоды со стороны государственного служащего». Беспристрастность, в свою очередь, определяется им следующим образом: «...При реализации законов и государственной политики чиновники должны принимать во внимание только то, что заранее оговорено в публичной политике или принято законодательно» [7. Р. 230]. Немецкий ученый А. Хайденхаймер классифицировал установки общества в отношении коррупции, выделив «белую», «серую» и «чёрную». «Белая» олицетворяет злоупотребления, которые в общественном мнении не вызывают осуждения и не воспринимаются как проблема. «Чёрная» коррупция – это действия, осуждаемые всеми слоями общества. «Серая» коррупция означает практики, относительно которых консенсус пока не достигнут. Именно вокруг «серой» коррупции возникают конфликтные ситуации и скандалы [8. Р. 362].

Отечественные политологи привносят в трактовку коррупции некоторые нюансы. В их интерпретации это специфический политический институт, который формирует у акторов устойчивый тип политического поведения и устанавливает рамки взаимодействия групп интересов между собой и с государством, в результате чего и складываются коррупционные сети. Они представляют собой нелегальные самовоспроизводимые модели отношений между политиками, чиновниками и бизнесменами с целью распределения ресурсов лицами, обладающими публичными полномочиями. Функционально коррупционные связи бывают: а) эпизодическими; б) системными, то есть закрепленными на институциональном уровне, например в обычаях или правилах общения с властью имущими; в) клептократическими, когда коррупция выступает одним из главных факторов процесса элитообразования. В этом плане заслуживает внимания ремарка известного российского ученого В.Я. Гельмана о том, что в обществах, переживающих транзитивный переход, неформальные институты зачастую оказываются более действенными и влиятельными, чем официальные [9. С. 6].

Нет разногласий среди обществоведов по вопросу о структурно-функциональных элементах коррупции. К последним относятся: 1) ее субъект – государственный служащий, наделенный официальными полномочиями, статусом, авторитетом, чьи корыстные устремления удовлетворяются за счет ущемления интересов государства и общества; 2) контрагент – лицо, которое добровольно или в принудительном порядке способствует удовлетворению незаконных требований субъекта; 3) цель коррупционного деяния – получение прямой выгоды или преимущества (не всегда материального); 4) способ реализации коррупционного умысла, предусматривающий использование служебных полномочий, статуса, авторитета; 5) объект коррупции (государственные интересы и общественные блага); 6) факт коррупции – взятки (подкуп), давление, принуждение, вымогательство, хищение, злоупотребление слу-

жебным положением, nepoтизм, криминальный лоббизм и т. д.; 7) жертва коррупции (в этой роли выступают граждане государства, не включенные в коррупционные сети); 8) коррупционные коммуникации – совокупность институтов, средств и методов, с помощью которых субъекты и контрагенты контактируют между собой¹.

Коррупция существует столько же, сколько и само человеческое общество. Ее корни можно проследить в традициях, особенностях национального характера, сюжетах исторической памяти. «Оправдание» коррупции строится на мировоззренческих и аксиологических особенностях общества, властных элит, отдельной личности. Противодействие ей также предполагает морально-этическое основание – коллективное осуждение жадности, зависти, гедонизма и прочих отрицательных свойств личности, которые, достигнув известных пределов, могут представлять угрозу не только духовному здоровью социума, но и самому его существованию. К слову, в «Божественной комедии» Данте Алигьери коррупционеры (обманщики) оказались помещены в предпоследний круг ада. Хуже них оказались только предатели. Классик русской литературы Н.В. Гоголь в своих произведениях «Ревизор» и «Мертвые души» показал, что коррупция и моральная деградация как отдельного человека, так и общества в целом тесно взаимосвязаны между собой.

В современных российских и зарубежных публикациях говорится о психологическом и бытовом измерении коррупции. Первое фиксирует внимание на специфических психологических характеристиках личности, подталкивающих ее к коррупционному поведению. Второе – объясняет, почему человек, отказывающийся от практики подношений, блата и кумовства, рискует подвергнуться социальному ostrакизму и получить статус отверженного. Это происходит там, где взятки рассматриваются не как преступление, а, скорее, как норма жизни, пусть обременительный, но необходимый ритуал.

Также проводится четкая грань между экономической и политической коррупцией. Первая вплетена в производственные отношения и непосредственно влияет на их развитие. Она определяется наличием теневой экономики и ощутимо снижает эффективность легальных рыночных институтов. Выступая в роли дополнительного «налога» на бизнес, экономическая коррупция, с одной стороны, в состоянии ускорять принятие нужных для предпринимателей решений, а с другой – устранять сильных конкурентов. Поэтому далеко не все представители деловых кругов считают ее негативным явлением.

Что касается политической коррупции, то она в определенной мере сопряжена с существующим политическим режимом. И если ей не противодействовать, то она может превратиться в основное средство борьбы элитных групп за властный ресурс, завуалированный способ его распределения и использования. По мнению ведущих российских политологов, которое пока никем не оспорено, политическая коррупция – это использование лицом, занимающим государственную должность, доверенных ему государственно-властных полномочий и прав, служебного положения и статуса в системе государственной власти, статуса органа государственной власти, который он представляет, в целях противоправного извлечения личной и (или) групповой, в том числе и в пользу третьих лиц, политической выгоды (политического обогащения) [10]. Отсюда вытекает, что антикоррупционная политика представляет собой скоординированные меры органов государственной власти, местного самоуправления и муниципальных образований, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц по противодействию обоим названным выше видам коррупции. Она включает в себя подготовку универсальных антикоррупционных стандартов, которые являются унифицированными нормативами и императивами, определяющими деятельность управленческого корпуса.

Вместе с тем очевидно, что существующие на сегодняшний день национальные стратегии противодействия коррупции весьма разнообразны и порой сильно отличаются друг от друга. Так, в Скандинавских странах традиции законопослушания среди населения настолько прочны, что там отсутствуют специализированные антикоррупционные органы. Напротив, в Сингапуре и Гонконге, которые также славятся неподкупностью своих чиновников, успехи были достигнуты благодаря развитым и хорошо оснащенным правоохранительным структурам соответствующего назначения.

Законодательству США присуще наиболее широкое толкование понятия коррупции. Под нее подводится любое получение денег должностным лицом от граждан или организаций, даже если оно

¹ Последний элемент нуждается в конкретизации. Различают два типа коррупционных коммуникаций. Децентрализованный тип образуется там, где взяткодатель действует по собственной инициативе; централизованный тип построен на аккумуляции и распределении вышестоящими начальниками взяток, собранных их подчиненными. (Прим. авт.).

не обусловлено какими-либо обязательствами. Это так называемый «общий подкуп», караемый 5-ю годами лишения свободы или штрафом в размере полученной суммы либо тем и другим вместе [11. С. 158-159]. Наличие данной нормы американскими правоведами приветствуется. Отмечается, что она имеет большое значение для привлечения должностных лиц к ответственности за взяточничество. А вот в России и других государствах СНГ подобного рода деяния взяточничеством не считаются и не наказуемы. Все могут знать, что государственный служащий получает деньги от коммерческой фирмы, но пока не доказана связь между их получением и конкретным действием в пользу этой фирмы, уголовной ответственности не возникает.

Сложность и многообразие коррупционных отношений в современном мире сводятся к четырем основным моделям, по поводу которых в зарубежном и отечественном политологическом сообществе достигнут консенсус. В них отражена попытка, помимо общих признаков, выделить цивилизационную и региональную специфику коррупции.

Европейская модель

В западноевропейских странах наблюдается сравнительно невысокий уровень коррупции. Открытость европейской модели жизнеустройства обеспечивается комплексом институциональных, организационных и морально-этических установок. Подчеркнем, что общества, в которых укоренилась эта модель, прошли длительный путь исторического развития. Неформальные институты целенаправленно вытеснялись на периферию общественной жизни и переставали играть заметную роль в политическом процессе.

Отметим, что в других моделях коррупция и условия ее существования выступают как системно организованные и глубоко укорененные в обществе явления. Зачастую это является наследием колониального прошлого. Так, вплоть до начала XX в. служба в колониях многими чиновниками метрополии рассматривалась как выгодное вложение. В Испании это выражалось в продаже ряда должностей на публичных аукционах. Голландские «управленцы» в Батавии (Индонезия), занимаясь лоббированием интересов крупных компаний, уплачивали вышестоящим властям взносы в «благодарность за должность» [12. Р. 116-119].

Азиатская модель

Данная модель тесно связана с функционированием государственных институтов в странах Азии, где тотальный государственный контроль во всех сферах общественной жизни сочетается с авторитарной политической культурой. К примеру, на Филиппинах особенностью политико-административной системы является клиентелизм, выражающийся в обязательной благодарности (подарке) бюрократу. В азиатскую патерналистскую культуру вплетены представления о правильности и даже необходимости дискреции в органах власти. Чем выше статус актора в иерархической лестнице, тем больше степень его самоуправления. На практике это выливается в абсолютную безотчетность средних и высших должностных лиц [13. Р. 129-130].

Олицетворением и «витриной» модернизационных процессов в Азии в XXI в. по праву считается Китай. Вместе с тем эта страна по-прежнему страдает от масштабной коррупции. Госуправление отличается высокой степенью закрытости. Законы принимаются, минуя процедуру общественного обсуждения, отсутствует свободный доступ к информации о новеллах в законодательстве. Не публикуются декларации о доходах и имуществе крупных чиновников [14. С. 30].

Специфика азиатской модели коррупции заключается в том, что в центральный аппарат управления по умолчанию встроены коррупционные риски, облегчающие ангажированным администраторам получение политической ренты.

Африканская модель

Ситуация, сложившаяся на «черном континенте», характеризуется «продажей власти на корню» группе родоплеменных, этнорегиональных кланов, которые политическими методами обеспечивают свое доминирование. Это делает невозможным конструирование демократических институтов. Население в состоянии удовлетворить лишь некоторые базовые потребности, что, в принципе, позволяет избегать масштабных социальных потрясений.

Одним из классических примеров такой модели являются политические режимы малавийских диктаторов Х. Банда, Б. Мулузи и Б. Мутарика, которые характеризовались хронической коррупцией и полным господством «лидеров» и их свиты над экономическими акторами [15. Р. 78-79]. Так, правительство Б. Мулузи занималось присвоением финансовой помощи, полученной от Великобритании, продажей в корыстных целях продовольственных запасов в другие государства, чем обрекло население страны на голод. Президент Нигерии генерал С. Абача² и члены его семьи были уличены в краже из казны 5 млрд долл. США [16. Р. 111]. Более 200 млрд долл. нигерийских нефтяных доходов из общей суммы в 300 млрд. в 1980–1990-е гг. были потеряны в результате коррупции, хищений и бесхозяйственности [17. Р. 105].

Латиноамериканская модель

Попустительство коррупции в большинстве стран Латинской Америки привело к тому, что теневые и криминальные секторы достигли огромного влияния. В результате власти оказались втянуты в затяжное противостояние с мафиозными кланами, которые возглавляют структуры, дублирующие государство³. В этих условиях вопрос о благосостоянии граждан отходит на второй план.

Показателен пример Парагвая. С 1954 по 1989 г. диктаторский режим А. Стресснера обеспечивался негласным консенсусом по поводу распределения ресурсов и привилегий между военными, бюрократией и правящей партией «Колорадо». Даже по прошествии почти трех десятилетий после свержения диктатора современная парагвайская элита склонна воспроизводить усвоенные практики и сохранять приверженность тем же негласным принципам, которые были приняты ею в 1950–1980-е гг. [18. Р. 6; 19. Р. 73].

Представленная классификация не исчерпывает всего многообразия реальных и зачастую скрытых от постороннего наблюдателя форм коррупции, имеющих свойство постоянно меняться. Однако очень важно, чтобы в осмыслении и нейтрализации их негативных последствий ученые и политики разных стран руководствовались общей мировоззренческой и научной парадигмой. Ее создание и совершенствование является первостепенной задачей обществоведов XXI века. При этом нельзя идти по пути абсолютизации теоретических наработок в сфере антикоррупционной политики того или иного государства. О признании научных достижений и рекомендаций есть смысл говорить в том случае, когда их операционализация реально способствовала снижению индекса восприятия коррупции. В области правоприменительной практики следует помнить об обязательном соблюдении основополагающих постулатов правосудия, принятых в цивилизованном мире. Среди них презумпция невиновности; осуществление правосудия только судом; право на защиту, квалифицированную юридическую помощь и свидетельский иммунитет; неприкосновенность личности, жилища и собственности; состязательность и равноправие прокурора и адвоката; независимость судьи; гласность судопроизводства и т. д.

На наш взгляд, представителям академической науки Запада стоит подумать над уточнением обобщающих характеристик тех видов коррупции, которые возникли в связи с демократическим транзитом, а отечественным исследователям – сосредоточиться на том, чтобы антикоррупционная стратегия России и, шире, Евразийского экономического союза стала составной частью международной правовой базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kimeu S. Corruption as a challenge to global ethics: the role of Transparency International // *Journal of Global Ethics*. 2014. No. 10. P. 231.
2. Россия в индексе восприятия коррупции 2017 г. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2017-posadki-ne-pomogli.html> (дата обращения: 12.09.2018).
3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 06.11.2016).

² С. Абача занимал пост главы Нигерии в 1993–1998 гг.

³ Так обстоит дело в Бразилии, Мексике, где идет многолетняя война полиции с влиятельной наркомафией, криминальными группировками из бедняцких кварталов. (Прим. авт.).

4. Huther J., Shah A. Anti-corruption Policies and Programs: a Framework for Evaluation, Washington: World Bank Policy research Working Paper 2501. 2000. P. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrn.com/abstract=632571>. (дата обращения: 06.06.2016).
5. Rothstein B. Anti-corruption: The indirect big bang approach // *Review of International Political Economy*. 2011. No. 18. P. 230.
6. Harrison E. Corruption // *Deconstructing Development Discourse*. Oxford: Oxfam GB. 2010. P. 262.
7. Kurer O. Corruption: An Alternative Approach to Its Definition and Measurement // *Political Studies*. 2005. No. 53 (1). P. 230.
8. Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. *Political Corruption: A Handbook*. New Brunswick: Transaction Publishers. 1989. P. 362.
9. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // *Полис*. 2003. № 4. С. 6.
10. Нисневич Ю.А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/63968530> (дата обращения: 23.10.2016).
11. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990. С. 158-159.
12. Wertheim W.F. *East-West Parallels: Sociological Approaches to Modern Asia*. Chicago: Quadrangle Books. 1965. P. 116-119.
13. Edna E.A. Challenges to the Philippine Culture of Corruption // *Corruption and Development. The Anti-Corruption campaign* / ed. by S. Bracking, D.R. Brown/ Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. P. 129-130.
14. Смирнова Л.Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель»: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2014. С. 30.
15. Hall-Matthews D. Tickling Donors and Tackling Opponents: the Anti-Corruption Campaign in Malawi // *Corruption and Development. The Anti-Corruption campaign* / ed. by S.Bracking, D.R. Brown Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. P. 78-79.
16. Ige B. Abacha and the bankers: cracking the conspiracy // *Forum on Crime and Society*. 2002. Vol. 2, No. 3. December. P. 111.
17. Okojie P., Momoh A. Corruption and Reform in Nigeria // *Corruption and Development. The Anti-Corruption campaign* / ed. by S. Bracking, D.R. Brown Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007. P. 105.
18. Lambert P. *The Regime of Alfredo Stroessner // The Transition to Democracy in Paraguay*. London: Macmillan Press Ltd., 1997. P. 6.
19. Molinas J., Linán A., Saiegh S. Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes in Paraguay. 1954–2003 // *Revista de Ciencia Política*. 2004. № 2 (24). P. 73.

Поступила в редакцию 16.09.2018

Пасс Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: pass_andrey@mail.ru

A.A. Pass

CONCEPTION OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE MODERN WESTERN AND RUSSIAN POLITICAL SCIENCE: FOUNDATION OF THE INTEGRATIVE APPROACH

The article deals with concepts and categorical apparatus by which describes such a social phenomenon as corruption. An attempt is made to define general and special in her interpretations offered by the political schools of different countries. Arguments are of the opinion that the national anti-corruption policy, priority should be assigned to measures drawn up in accordance with generally accepted standards and directed primarily against system abuse powers. Indicates the leading role of informal institutions in causing corruption networks in societies undergoing transitive period. The structure of corruption Act and functional relationship of its elements. It is established that the parties have corrupt agreements, including at the household level, formed by the intelligentsia that was fed from consciousness, and therefore indispensable for their effective neutralization is disseminating relevant moral and ethical norms. Justifying the fundamental distinction between the economic and political corruption: the first acts derived from the shadow economy and undermines fair competition, while the second is due to the specificity of the existing political regime and serves illegal means of redistribution of resources in favour of certain elite groups. Stresses that among domestic and foreign political analysts consensus models of corrupt relationships in the modern world, which reflected the civilizational and regional specifics of corruption. They are four: European, characterized by rather high steppe openness; Asian-total State control and authoritarian culture, African, where completely dominates ethnocracy; and Latin American, charac-

terized by the presence of mafias as an alternative to the State. Concludes on promising directions for further efforts on the part of scientists and policy makers to develop a common ideological, scientific and legal paradigm in understanding the phenomenon of corruption. It will raise the combat to the next level.

Keywords: corruption, corruption network, corruption act, criminal consciousness, models of corrupt relations, anticorruption policy, political science, integrative approach.

Received 16.09.2018

Pass A.A., Doctor of History, Professor at Department of political science and international relations
Chelyabinsk State University
Bratyev Kashirinyh st., 129, Chelyabinsk, Russia, 454001
E-mail: pass_andrey@mail.ru